

Чжуан Цинцзэ моргнул, стараясь выглядеть менее растерянным:

— Я заглянул проведать вас.

— В прошлый раз, когда мой зять упал и получил травму, в винокурне был лишь легкий кислый запах. Почему сейчас он стал настолько сильным? Вы разве не обработали вино?

Услышав это, мастер Лю на мгновение замер, а затем на его лице появилось выражение глубокой озабоченности:

— Нет, хозяин не дал указаний, а молодой хозяин сказал, что хочет поискать в книгах способ решения проблемы. Так что мы до сих пор ждем. Эти вина, боюсь, уже совсем испорчены. Эх, сколько же доброго зерна пропало...

Пока мастер Лю менял выражение лица, Чжуан Цинцзэ потирал глаза, поэтому он не заметил этого. Услышав ответ, он удивился:

— Каншэн велел вам оставить их?

— Да. Мы сейчас каждый день живем в страхе, боимся, что испорченное вино заразит и хорошее вино в погребе. Тогда нам будет стыдно перед хозяином.

«Жалобы» мастера Лю становились все более гладкими. Он, не моргнув глазом, продолжал:

— Кстати, мы до сих пор не знаем, почему в этом году испортилось так много вина. Эх...

— Как этот мальчик может быть таким безрассудным! — нахмурился Чжуан Цинцзэ. По пути сюда он думал, как убедить винокурню не поддерживать стремление Лян Каншэна изучать виноделие. Но оказалось, что ему даже не нужно прикладывать усилий — сон сам пришел к нему в руки.

— На самом деле, молодой хозяин просто хотел как лучше. Если вылить столько бочек вина, это будет слишком большая потеря, — не удержался мастер Лю, вступаясь за Лян Каншэна.

Чжуан Цинцзэ не хотел слушать похвалы в адрес Лян Каншэна. Он быстро нашелся и с возмущением сказал:

— Это вино уже испорчено. Если его не обработать как можно скорее, как ты сказал, Лао Лю, оно заразит и другое вино. Тогда потери будут не только за этот год.

Выражение лица мастера Лю стало слегка странным. Он подумал, что старик просто болтает вздор. Любой, кто разбирается в виноделии, знает, что это невозможно. Почему господин Чжуан так верит в это?

Мастер Лю едва сдержался, но, когда Чжуан Цинцзэ посмотрел на него, он быстро взял себя в руки и не выдал своих мыслей, хотя его лицо все еще выглядело напряженным.

Чжуан Цинцзэ не заподозрил, что мастер Лю говорит неискренне, и не заметил, что его выражение лица было странным. Напротив, он решил, что это из-за того, что Лян Каншэн — молодой хозяин, и мастер Лю, как простой работник, не может говорить о нем плохо.

Поделившись с мастерами винокурни их «общей болью» и почувствовав, что заручился их поддержкой, Чжуан Цинцзэ начал брать инициативу в свои руки.

— Лао Лю, мой зять уже чувствует себя намного лучше, только ногу ему еще нужно беречь и далеко ходить нельзя. Я вернусь и спрошу у него совета, что он думает. Пусть он решит, прийти ли сюда и посмотреть, что делать, или просто велеть вам вылить испорченное вино.

— А Каншэна я еще раз хорошенько расспрошу, чтобы понять, что он вообще задумал. Если он действительно найдет какой-то способ, мы можем попробовать.

Дойдя до этого момента и вдыхая поистине резкий кислый запах, он не верил, что мастер Лю и другие смогут одобрить метод Лян Каншэна и доверить ему в будущем управление виноделием!

На лице мастера Лю наконец появилась слабая улыбка:

— Господин Чжуан, спасибо вам, большое спасибо!

Другие мастера тоже подхватили:

— Мы, старики, думали, что хозяин болен, и не хотели его беспокоить. К тому же был приказ молодого хозяина, поэтому мы не решались передавать сообщения. Очень хорошо, что господин Чжуан может помочь. Как бы там ни было, вы хотя бы укажете нам путь.

Ощувив себя «доверенным лицом» множества мастеров, Чжуан Цинцзэ с чувством глубокого удовлетворения покинул винокурню. Его настроение было настолько хорошим, что он едва сдерживался, чтобы не напевать что-нибудь в знак своей радости.

Собрав свои эмоции, Чжуан Цинцзэ начал обдумывать, как лучше всего изложить свои мысли, чтобы его сестра и зять не подумали, что он говорит плохое о Лян Каншэне, но при этом поняли, что тот ведет себя безрассудно.

Тем временем Лян Каншэн, уже вернувшись домой, привел себя в порядок, переоделся и занимался каллиграфией, когда услышал, как Лян Догу подбежал во двор и сообщил, что пришел дядя. Ему не нужно было готовиться, и он сразу направился в главный зал.

К этому времени Чжуан Цинцзэ уже встретился с отцом Лян и госпожой Чжуан:

— Сестра, зять, вот-вот наступит июнь, и вино нашей винокурни скоро будет готово. Я подумал, что вы оба заняты, и решил сам сходить в винокурню, чтобы узнать, как обстоят дела, и подготовиться. Но то, что я там увидел, меня просто шокировало.

— Что случилось в винокурне? — с любопытством спросил отец Лян.

С тех пор как сын сказал ему спокойно лечиться и не беспокоиться о винокурне, он действительно не вмешивался в дела. Более того, он велел госпоже Чжуан тоже не вмешиваться.

В конце концов, это только вино этого года, и Лян Каншэн не сможет натворить ничего серьезного. Если действительно произойдет что-то очень плохое, мастер Лю и другие не выдержат и придут к ним.

Так что до сих пор отец Лян и госпожа Чжуан действительно не знали, что происходит в винокурне. Вид Чжуан Цинцзэ, который выглядел так, будто небо упало на землю, вызвал у отца Лян любопытство.

— Кислый запах просто сбивает с ног! Я почувствовал его еще за несколько ли от винокурни. Раньше там всегда витал аромат вина, который распространялся на десятки ли, и люди пьянели от одного запаха.

— Чем ближе я подходил, тем сильнее становился кислый запах, и ни капли аромата вина не осталось. Когда я подошел к воротам винокурни, кислый запах был настолько сильным, что я едва мог открыть глаза, и слезы потекли сами собой. Я не знаю, как мастер Лю и другие это выдерживают...

Чжуан Цинцзэ изо всех сил описывал кислый запах, который он почувствовал у винокурни, и даже намеренно преувеличивал его, чтобы все звучало как можно хуже.

— Запах настолько сильный? — удивился отец Лян.

Вскоре после Нового года мастер Лю и другие поспешили к нему, чтобы сообщить, что вино в винокурне испортилось и стало кислым. Но кислый запах и полное отсутствие аромата вина — это разные вещи. Они ведь делали вино, а не уксус.

— Правда, зять. Если вы не верите, можете сами пойти и посмотреть, — кивнул Чжуан Цинцзэ, едва не предложив отцу Лян отправиться туда прямо сейчас. В этот раз он не хитрил — любой, кто придет, скажет, что запах действительно кислый.

В этот момент в дверях появился Лян Каншэн:

— Отец, дядя пришел.

— Каншэн! — Чжуан Цинцзэ тут же нахмурился, глядя на Лян Каншэна. В его глазах мелькнула скрытая злоба. — Почему ты в этом году всегда действуешь так безрассудно? Когда вино испортилось, ты не позволил мастеру Лю и другим его обработать, сказав, что хочешь найти решение в книгах. Прошло уже несколько месяцев, ты нашел способ? Если не вылить его сейчас, что, если оно заразит другое вино? Сколько именно вина испортилось в этом году?

Услышав, как Чжуан Цинцзэ ругает Лян Каншэна, отец Лян нахмурился и прервал его:

— Каншэн, как обстоят дела в винокурне?

Поскольку Лян Каншэн почти каждый день гулял и заходил в винокурню, отец Лян не верил, что сын не знает, что там происходит. Если он знал, но ничего не сделал, значит, у него могли быть свои планы, и лучше было бы выслушать его объяснение.

Получив возможность говорить, Лян Каншэн не спеша объяснил:

— Отец, когда мы с супругом уезжали в окружной город, вино имело лишь легкий кислый запах, но он был не сильным. После того как я вернулся с окружного экзамена, кислый запах внезапно усилился.

Чжуан Цинцзэ усмехнулся. Пусть он посмотрит, что Лян Каншэн сможет сказать перед лицом неопровержимых доказательств. Если не обработать столько испорченного вина, пострадает вся винокурня. Он не верил, что зять не начнет беспокоиться.

— Отец, дядя, до сих пор я действительно не нашел способа решить проблему с винокурней. Я пересмотрел множество книг, но нигде не нашел, как обрабатывать испорченное вино, — «откровенно» признался Лян Каншэн.

Как только Чжуан Цинцзэ хотел воспользоваться моментом, чтобы вставить пару слов, Лян Каншэн резко изменил тему:

— Однако я подумал, что раз проблема уже не решается, то, возможно, стоит попытаться понять, почему вино стало кислым, чтобы предотвратить подобное в будущем.

— Я спросил мастера Лю и других, и они сказали, что иногда в процессе виноделия одна или две бочки могут испортиться, и иногда они становятся кислыми. Раньше это случалось редко, но почему в этом году их так много?

Лян Каншэн говорил по одному предложению, и отец Лян погрузился в размышления. Виноделие — это тонкий процесс, и любая ошибка на каком-либо этапе может привести к тому, что вино станет кислым.

В то же время лицо Чжуан Цинцзэ постепенно мрачнело. Казалось, что слова Лян Каншэна нашли отклик у отца Лян, и перед ним он должен был сохранять лицо, не показывая своего недовольства, хотя его взгляд становился все более мрачным.

Поскольку Чжуан Цинцзэ был рядом, Лян Каншэн не хотел вдаваться в подробности. Высказав свою позицию, он спросил отца:

— Отец, действительно ли кислое вино в винокурне может повлиять на остальное наше вино?

<http://bllate.org/book/16698/1533576>